

🕒 ИНТЕРЕСНО О ВАЖНОМ

Язык СИМВОЛОВ

Сборник статей
Язык символов
Серия «Интересно о важном»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3301375
Язык символов: Новый Акрополь; М.: 2011
ISBN 978-5-91896-022-6

Аннотация

В сборник вошли статьи, посвященные разным граням символизма: представлениям о роли символа в древности и современности, мифологии, символизму архитектуры, фольклора, различных традиций мира, в том числе и русской, символике звездного неба. Значительная часть книги отведена раскрытию смысла отдельных символов в мировой культуре.

Статьи эти на протяжении более чем 10 лет публиковались в журналах «Новый Акрополь» и «Человек без границ» и неизменно вызывали огромный читательский интерес.

Содержание

Язык символов — язык вечности	4
Символы: язык вечности	4
Мир символов живет в нас	4
Что такое символ?	6
Каждый символ скрывает в себе многогранное, глубокое знание	6
Символ — хранитель тайны	8
Для понимания символа необходим резонанс	8
Символ — проявление Священного	9
Знак, разделенный на две части	10
Олимпийская теогония как модель философского пути становления	11
Символизм храма	20
Дорога воспоминаний	20
Иное пространство	21
За порогом обыкновенного	21
Пространство чистое и стабильное	22
Необыкновенное	23
Центр мира	24
Изначальность храма	26
Образ мира	26
Символика волшебной сказки	28
Десакрализация	28
Традиция	29
Иное царство	29
Символизм сказки о Царевне-лягушке	32
Инициация: смерть и возрождение	33
Заключение	33
Сказки для детей и взрослых	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

ЯЗЫК СИМВОЛОВ

ЯЗЫК СИМВОЛОВ – ЯЗЫК ВЕЧНОСТИ

Символы: язык вечности

**Елена Сикирич, президент культурной
ассоциации «Новый Акрополь» в России**

Мир символов живет в нас

Далеко не всегда бывает возможно выразить словами все то, что мы чувствуем и понимаем. Есть явления, состояния, события, суть которых нельзя разложить по полочкам, объяснить математическими формулами. В загадочных глубинах человеческой души таятся жемчужины опыта, заключающие в себе тысячу и один смысл, тысячу и одно переживание, тысячу и одну тайну. В сокровищнице духовной культуры человечества хранятся бесценные знания о человеке, природе и Вселенной, великие идеи и творения человеческого духа, за которыми стоят длинные цепочки событий, причин и следствий, судьбы многих поколений. Для их постижения всегда был необходим особый подход души, ибо нашим обычным рациональным умом познать их невозможно. Испокон веков всякий раз, когда перед человеком вставала необходимость увидеть мир целостно, соединить видимое и невидимое, связать между собой прошлое, настоящее и будущее, совершенно новое и поистине древнее; всякий раз, когда душа его рвалась к новым далям, для достижения которых нужно было преодолевать границы жизни и смерти, пространства и времени и постигать вечные законы бытия; всякий раз, когда для объяснения и выражения этого одних слов было недостаточно, – человек прибегал к удивительному языку *символов*.

В предисловии к французскому «Словарю символов» его составитель Жан Шевалье пишет: «Днем и ночью, когда мы беседуем, выражаемся жестами, видим сны, каждый из нас сознательно или бессознательно пользуется символами. Они придают форму нашим стремлениям и желаниям, подталкивают нас к действиям и новым начинаниям, моделируют наше поведение, лежат в основе наших успехов и неудач... Все науки, естественные и гуманитарные, искусство со всеми его направлениями – все, что составляет культуру человека, на своем пути встречается с символами. Все они должны объединить свои усилия, чтобы разгадать тайну символов и освободить энергию, сконцентрированную в них. Мало сказать, что мы живем в мире символов, – мир символов живет в нас».

Наша жизнь действительно наполнена символами. Они сопровождают нас во сне и наяву, в общении и взаимоотношениях, в познании и творчестве. На самом деле, порой сами того не осознавая, мы часто встречаемся с символами и используем их, следуя в этом за многими поколениями людей разных эпох и культур, которые на языке символов выражали свое состояние души, свое мировоззрение, свое понимание великих истин и тайн бытия. Ведь и мы постоянно сталкиваемся с явлениями, ситуациями, образами, предметами, существами, которые имеют для нас не только явно выраженные, общепризнанные характеристики и черты. Часто, сознательно или бессознательно, мы наделяем их другими значениями, не всегда связанными с их конкретными свойствами или функциями. Они становятся для нас напоминанием, *символом* неких чувств, переживаний, состояний и опытов познания, выходящих за пределы конкретной физической реальности.

Когда в нашем сновидении появляется наша соседка по дому, с которой мы ссоримся, оказываемся вместе в странных, фантастических ситуациях и которая потом превращается в чудовище, преследующее и пытающееся убить нас, совершенно очевидно, что дело здесь не в конкретном человеке, знакомом нам из повседневной жизни. Наша душа просто использует образ соседки как символ своих определенных внутренних состояний и переживаний или какой-то внешней, еще не решенной нами проблемы. Таким ярким способом она предупреждает нас о внутренней дисгармонии или о конфликте, рассказывает, в чем они состоят и как проявляются, а также о том, что этот конфликт необходимо срочно решать, если мы не хотим, чтобы все закончилось для нас плачевно. Более того, используя один-единственный образ нашей соседки и все ситуации, связанные с ней, наша душа также предупреждает, какие последствия ожидают нас в том случае, если мы не сумеем сделать верных конкретных шагов. Все это показывает нам сновидение в форме символов, и самая трудная задача – разгадать их значение.

Обращаясь к любимому человеку со словами «солнышко мое» или «мое золото», мы даже не представляем, что конкретное небесное тело и конкретный металл символизируют не только безграничную гамму наших прекрасных чувств, которые не нужно долго объяснять. Сколь ко параллельных смыслов, значений, законов и истин скрывается в одних только символах Солнца и золота! Во все времена эти символы использовались в алхимии, астрологии, медицине, в мифах и легендах народов мира; их можно увидеть на портиках храмов, в лабиринтах гробниц и пирамид. Что делает эти на первый взгляд простые, всеми любимые понятия символами, содержащими в себе целые мировоззрения, глубокие познания о сотворении мира и великих законах Вселенной, о процессах трансформации, происходящих в природе и в душе человека? Сколько в них еще не познанного? Учитывая, что подобных символов существует бесконечное множество, мы вправе говорить о том, что символы – это не просто язык, которым пользуется душа человека, для того чтобы понять и выразить свои богатые, многогранные состояния. Это целый удивительный мир, загадочная сокровищница духовной культуры человечества, в которой заключены не только вся мудрость поколений, но и еще не раскрытые тайнства существования человека, природы, Вселенной.

Когда нам снится, что мы горим, что нас охватывает пламя и что, преодолевая боль, мы меняемся и становимся другими – мы просыпаемся в холодном поту и надеемся, что кошмарный сон больше не повторится. Подобные ощущения испытывали также герои древних мифов Греции, Египта, многих других народов – с одной лишь разницей: впоследствии они узнавали, что прохождение через огонь обозначает процесс испытаний и изменений, ведущий к осознанию бессмертия и вечных принципов бытия. Символика сновидения, которая на первый взгляд показалась кошмарной, в мифах предстает в совершенно ином свете, хотя в обоих случаях в ней скрывается один и тот же смысл: она говорит о законах, этапах духовного развития как человека, так и человечества в целом. Таких мифов, легенд, сказок, в которых заключены целые символические комплексы, существует бесчисленное множество. Они очень схожи по форме, содержанию и по скрытым в них значениям; поражает то, что они принадлежат совершенно разным эпохам, цивилизациям, культурам, не связанным между собой ни географически, ни исторически.

Как объяснить тот факт, что почти те же мифологические содержания появляются в сновидениях людей, которые о них никогда ничего не читали и не слышали? Значит ли это, что есть универсальный источник всех познаний, который лежит и в основе самого языка символов?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к свойствам символа.

Что такое символ?

Сегодня существует большая путаница между символами и простыми обозначениями. Трезубец Нептуна на банке селедки, Царевна-Лебедь на коробке стирального порошка, фигура Геракла на креме против облысения, Афродиты на таблетках для похудения, Гермеса на дверях нотариальной конторы – эти изображения ничем не отличаются от любых других обозначений, хотя в мифах, сказаниях, легендах, в некоторых ситуациях те же самые образы имеют глубокие и сокровенные свойства символов. Возникает вполне справедливый вопрос: почему же в каких-то случаях некие образы, ситуации, персонажи, предметы, чувства и состояния приобретают свойства символов, а в других, имея ту же внешнюю форму, сводятся к простым обозначениям для новой зубной пасты, банка или марки автомобиля?

В своей книге «Проблемы души нашего времени» К. Г. Юнг пишет: «Я ни в коем случае не понимаю под символом аллегория или простой знак; скорее я понимаю под ним некий образ, который должен, насколько это возможно, охарактеризовать всего лишь смутно предполагаемую природу духа».

Многогранность, многозначность символа прекрасно определяет Р. Бекер: «Символ можно сравнить с хрусталем, пропускающим свет самыми разными способами в зависимости от того, через какую грань этот свет проходит. Можно еще сказать, что символ – это живое существо, частица нашей собственной сущности, находящаяся в постоянном движении и трансформации. Когда мы в него проникаем, в тот момент, когда мы осознаем, что он является толчком для пересмотра и размышлений, изучая его, мы одновременно наблюдаем и изучаем свой собственный путь, перед нами открывается то направление, следуя которому наша душа улетит к новым далям». На самом деле между символом и простым обозначением существует такое же различие, как и между живым человеком и его изображением на фотографии. Символом может стать буквально все: ситуация, образ, предмет, явление, существо, персонаж, – но для этого они должны приобрести определенные свойства, характерные для любой вечно живущей бессмертной сущности. Та вторая загадочная параллельная жизнь, которую они содержат в себе и открывают перед человеком, должна выходить за пределы настоящего мгновения, за пределы данного физического существования. Свойства символа, о которых мы будем говорить, на самом деле характерны для всех истин, которые являются частью того, что древние философы называли Софией, – универсальной духовной мудрости, отражающейся в мировоззрении всех культур, религий и традиций.

Каждый символ скрывает в себе многогранное, глубокое знание

Все современные исследователи, серьезно занимающиеся языком символов, подтверждают то, что давным-давно знали философы древности. Символ не только невозможно понимать *буквально*; даже зная, что в нем сокрыты глубокие познания о человеке, природе и Вселенной, его недостаточно исследовать обычным, рациональным способом. Многоплановые значения символа не изучаются, а проживаются, открываются перед нашим внутренним взором постепенно, один за другим, иногда внезапно и неожиданно, иногда в результате длительных безрезультатных поисков, когда мы уже начинаем думать, что все усилия были тщетными. Так или иначе, символ никогда не раскрывает перед человеком всего своего содержания, а только ту часть, которая для него становится актуальной, которую он может понять, поскольку она созвучна изменениям в его душе, его духовным поискам и стремлениям.

Древние философы говорили, что язык символов имеет, как минимум, семь ключей разгадки и понимания. Это значит, что существует по меньшей мере семь разных подходов к одному и тому же символическому материалу и за каждым из них скрываются различные содержания и значения, все более и более глубокие, относящиеся к разным граням существования и к разным наукам, но всегда дополняющие друг друга. Если нам открывается одно значение символа, на этом наша работа не заканчивается – напротив, она только начинается. Разгадывая одну загадку, мы на самом деле поднимаем лишь самую первую, самую верхнюю вуаль, скрывающую за собой другие вуали и другие тайны. Семь символических ключей – семь вуалей великой египетской богини Исиды; приоткрыв одну, мы только понимаем, что она ведет к другой вуали, к другой загадке, скрывающейся за ней. Язык символов сам по себе великая загадка.

Даже в системе, согласно которой многие познания были закодированы на языке символов, есть простая и красивая логика, хотя она может показаться чуждой нашему рациональному восприятию, привыкшему рассматривать все подобные подходы как оригинальный плод фантазии. В своей лекции «О лунопочитании древнем и современном» Джеральд Мэссей рассказывает: «Когда египтяне представляли луну как кошку, они не были настолько невежественны, чтобы предполагать, что луна была кошкою, также их подвижная фантазия не видела ни малейшего сходства между луною и кошкою. Миф кошки не был *простым расширением словесной метафоры*; также не было у них намерения создавать недоумения или загадки... Они подметили тот простой факт, что кошка видит в темноте и что ее зрачки становятся совершенно круглыми и особенно светящимися ночью. Луна была созерцательницей в ночных небесах, и кошка была ее эквивалентом на земле; и, таким образом, обыкновенная кошка была принята как выражение, как естественная эмблема и живое воспроизведение луны... Кошка называлась по-египетски *мау*, что означает „зрячий“, от глагола *мау* – „видеть“ ... Луна как *кошка* была глазом солнца, *ибо она отражает солнечный свет* и потому, что глаз отображает изображение в своем зеркале. Под видом богини Пашт кошка стережет солнце, попирая лапою главу змия тьмы, именуемого его вечным врагом!»

На примере символики кошки мы можем проследить определенную динамику, по которой раскрывается каждый символ: начиная с самого первого, поверхностного содержания одно символическое значение ведет к другому, более глубокому. Ведь «глаз солнца», «зрячий в темноте», «зеркало происходящего», «сражение со змеем тьмы» – это уже новые символические образы, также имеющие многогранные и разнообразные значения, ведущие к новым далям и новым знаниям. Их мы можем встретить не только в символике кошки, но и во многих других символических материалах. В зависимости от того, в каком ключе их рассматривать, они могут привести нас как к познанию законов видимой и невидимой природы, так и к внутреннему миру человека и скрытым в нем потенциалам, к этапам ученического Пути, к этапам сотворения мира и многому еще.

Динамика раскрытия сокровенных значений символов, а также все процессы трансформации и эволюции, происходящие в человеке, природе и Вселенной, очень интересно и красиво прослеживаются в мифах, сказках, легендах, притчах. Е. П. Блаватская пишет об этом: «Ни один мифологический рассказ, ни одно традиционное событие в народных сказаниях никогда, ни в одну эпоху не были вымыслом, но каждый из таких рассказов имеет действительно историческую подоснову... Даже притча есть выраженный символ; вымысел или легенда, как думают некоторые; аллегорическая передача жизненной реальности, событий и фактов, говорим мы. Именно, как мораль всегда выводилась из притчи, причем подобная мораль была действенной правдою и фактом в человеческой жизни, так и историческое, реальное событие было извлекаемо теми, кто были сведущи в этих священных науках, из эмблем и символов, запечатленных в древних храмовых архивах. Религиозная и эзотерическая история каждого народа была уложена в символах».

Символ – хранитель тайны

Мудрецы древности учили, что каждый символ становится хранителем не только той актуальной для нас части Истины, которую мы в силах постичь на определенном этапе своей жизни в зависимости от наших способностей, стремлений и духовных поисков. Он также охраняет ту таинственную, сокровенную часть великой Мудрости, которая останется для нас вечной загадкой, ибо чем более мы будем пытаться ее разоблачить, тем более она будет скрываться, преподавая нам очень полезный урок: чем больше мы познаем, тем больше расширяется круг Непознанного. Чем больше мы знаем, тем сильнее осознаем, сколько осталось еще неведомого, чего мы недостойны и пока не можем понять.

Таким образом, каждый символ является хранителем Тайны, за которой скрывается еще одна Тайна и еще одна... и так до бесконечности.

Первым шагом к постижению сокровенного содержания символов становится пробуждение в нас некоего предчувствия, еще ничего не объясняющего, ничего не утверждающего и не отрицающего, а только впитывающего происходящее вокруг, постепенно ведущего к формированию в нашей душе более конкретных образов, представлений и предположений. За каждым предчувствием следует новое предчувствие, еще одно и еще одно... Это цепочка, не имеющая конца. На самом деле работа с символами – это целое искусство, в котором в равной мере сочетаются интуиция и разум.

Когда сокровенное значение символа становится в один прекрасный день известным и доступным всем, он частично умирает. Об этом пишет К. Г. Юнг в книге «Психологические типы»: «Пока символ сохраняет жизненность, он является выражением предмета, который иначе не может быть обозначен. Символ сохраняет жизненность только до тех пор, пока он чреват значением... Символ теряет свою, так сказать, магическую или, если угодно, освобождающую силу, как только осознается его разложимость. Поэтому действенный символ должен обладать свойством неприкосновенности. Он должен быть наилучшим из всех возможных выражений для данного мирозерцания, который по смыслу безусловно не может быть превзойден; кроме того, он должен быть столь далек от постижения, чтобы критический интеллект не имел никаких путей к его действительному разложению; и, наконец, его эстетическая форма должна столь убедительно действовать на чувство, чтобы против него не поднимались и аргументы чувства».

Для понимания символа необходим резонанс

Если бы многозначность символа была его единственным свойством, его можно было бы назвать лишь содержательно богатым обозначением. Однако дело обстоит иначе: при каждой встрече хранителя Тайны с тем, для кого эта Тайна хранится, происходит сильная взаимная реакция.

Понимает или не понимает человек сокровенное содержание символа, кажется ли ему его внешняя форма странной и далекой, символ всегда может воздействовать на человека и сыграть в его жизни роль учителя и наставника при условии, если человек искренне нуждается в этом и не остается к нему равнодушным.

Чтобы увидеть, как символ «оживает», нужно «ожить» самому. В момент истинной встречи человека и символа в душе наряду со смутными предчувствиями, которые невозможно понять, происходит глобальная встряска, настоящее потрясение, не объяснимое никакими словами. Еще ничего не осознавая и не желая, человек более бессознательно, нежели сознательно, начинает реагировать на символ. В его душе символ находит отклик, вступает с ней в *резонанс*. Никогда не бывает так, что сначала мы понимаем сокровенное содержание

символа, а потом происходит все остальное; совсем наоборот. Сначала в каком-то уголке своей души мы вдруг находим созвучие с ним, открываем, что он нам очень интересен и близок. Мы начинаем осознавать, что символ стал для нас *вызовом*, подталкивает к переосмыслению многого из того, что мы до сих пор понимали, чувствовали и знали, что многое в нас начинает *меняться* и что благодаря этому даже сама наша жизнь становится другой. Так начинается длительный путь трансформации души, которую вызывает и к которой подталкивает символ. А сам он становится зеркалом этого пути, всех его этапов, испытаний, сомнений и откровений. После истинной встречи с символом ничто не может оставаться таким, каким было раньше, да и сам человек уже не тот.

В традиционных обществах на ученическом пути человека сопровождали особые символы. Когда в Древнем Египте на разных этапах пути символами ученика были *анк* – ключ жизни и смерти, *уджат* – глаз внутреннего зрения и справедливости, *джед* – колонна стабильности Осириса, *скарабей* – символ нового рождения и многие другие, задача состояла не в том, чтобы просто изучить их скрытое содержание. Иметь своим символом анк означало находиться в поисках ключей к тайнам жизни и смерти, быть готовым к связанным с этим испытаниям и трудностям. Уджат не только помогал понять, что такое внутреннее зрение, что такое справедливые взгляды, мысли и поступки и как они соотносятся с отдачей и жертвой, но давал возможность прожить это и почувствовать на собственном опыте. Благодаря джеду ученик приобретал внутреннюю стабильность, стержень, позволяющий держаться на основании обретенного смысла жизни. Скарабей показывал, что синтезом всего познанного должно быть цикличное возобновление, «новое рождение» всего существа человека.

Если сказка о Золушке живо затронула мою душу, если мне снится, что я должна выполнить что-то совершенно невозможное, чтобы попасть на бал, то роль символа в данном случае заключается не в том, чтобы я испытала сострадание к бедной девочке, которую никто не понимает, и радовалась, когда у нее все складывается хорошо, проводя какие-то параллели со своей жизнью. Если вспомнить всего один эпизод сказки – когда Золушка, получив задание и прекрасно зная, что его невозможно выполнить, все-таки берется за дело, и тогда на помощь приходят птицы небесные или добрая фея – совершенно неожиданно для нее, но вполне заслуженно; если представить, что, осознавая реальную невыполнимость задачи, она примирилась бы, опустила руки, и вся ее судьба сложилась бы совсем по-другому, – урок символа становится вполне понятен. Подобная ситуация может сложиться и в нашей жизни, когда на практике мы должны будем показать, усвоили ли преподнесенный урок. Можно сказать это проще: если близок тебе символ Золушки, то будь готов стать ею, проходя все то, что проходила она.

На самом деле работать с определенным символом всегда означает вызывать на себя соответствующие испытания Судьбы, когда от нашей реакции и усвоенных нами уроков будет зависеть, пройдем мы их или нет. Это так просто.

Символ – проявление Священного

Испокон веков человек испытывает глубокую, исконную, неугасимую тягу к Священному, к тому, что могло бы стать для него святыней. И можно сказать, что каждый символ является не только хранителем Тайны, но также и хранителем святынь. Любое событие, предмет, явление могут стать символами именно тогда, когда они становятся для нас носителями священных уникальных и неповторимых состояний, событий, моментов общения, взаимодействия и познания. Получается, что символ на самом деле живой – он становится формой, оживленной силой Священного. Благодаря постоянному присутствию символа сила Священного, заключенная в нем, действует также и на нашу душу, возобновляя все, что с ним связано. Когда я ношу на шее цепочку, подаренную любимым человеком, я благодаря

«посредничеству» украшения, ставшего для меня символом, чувствую его рядом, ощущаю часть его «заряда», силы и вдохновения.

Символ как посредник между мной и всем, что для меня священо, всегда передает мне частицу силы, тайны того существа или той мудрости, чьим посредником он является. Как жаль, что человек нашего времени живет в мире без символов, в мире без святынь; он многое теряет!

Знак, разделенный на две части

В «Словаре символов» Жан Шевалье пишет: «Изначально символ всегда представлял собой предмет, разделенный на две части... Два человека хранили каждый одну из двух частей: хозяин и гость, одолживший деньги и должник, два паломника, двое любящих, которые разлучались на долгое время... При новой встрече они объединяли две части символа в одно целое, вновь подтверждая таким образом свою любовь, дружбу, узы гостеприимства или долга чести. Для древних греков символ всегда был знаком узнавания, благодаря ему родители могли узнать своих детей, с которыми были разлучены... Символ разлучает и вновь объединяет. Он содержит в себе одновременно две идеи: разлуки и новой встречи. Он напоминает о единстве, которое было потеряно и которое вновь может быть возобновлено».

Соответственно, хранить символ означало осознавать еще одну давно забытую истину – где-то, далеко или близко, в пространстве и времени или за их пределами, в жизни или за гранью смерти, существует таинственная вторая, дополняющая часть нас самих, неких идей, познания или мудрости, ожидающая новой встречи и нового объединения. Это значит, что при работе с символом не только мы делаем шаги, чтобы приблизиться к этой «другой стороне» Священного, бесконечного и непостижимого, но и это ценное, дополняющее нас Нечто делает шаги, чтобы приблизиться к нам. Таким образом, символ становится знаком узнавания между «двумя сторонами», двумя существами, между всем тем, что «вибрирует» на одной волне. Он становится знаком узнавания между всем тем, что, будучи временно разлученным, является столь близким друг другу, что в один прекрасный день должно стать единым целым. Символ – это знамение подлинных связей, продолжающихся вечно.

Олимпийская теогония как модель философского пути становления *Антон Мусулин, президент ассоциации «Новый Акрополь» на Украине*

Миф символичен. Посредством символов – знамений «иной» реальности – он позволяет проникнуть в мета-пространство идей и архетипов, пространство множества неизвестных, уравнений и функциональных подобий, благодаря чему можно получить представление о разворачивании, динамике развития и свертывании любого космоса и тех сил, которые участвуют в его создании. Другими словами, миф – это универсальная модель и прототип всего, что произойдет в проявленном мире, в обычном пространстве времени; всех сотворений, рождений и форм существования космосов, создаваемых природой и человеком на объективном и субъективном уровнях после изначального времени, в котором произошли события, описываемые мифом. Подобно тому, как Дельфы в греческой традиции, Куско в традиции народов Южной Америки, Иерусалим у христиан и Мекка у мусульман являются прототипом идеи центра, который можно воссоздать на любом другом месте (ибо все, что существует, должно иметь центр), так и все, что можно отнести к субъективной плоскости, к сфере сознания, должно нести в себе организующее начало, порождающее вокруг себя многообразие и связывающее это многообразие в единое осмысленное целое. Идея центра на уровне Вселенной соответствует Демиургу, ее создателю и властителю, роль которого в микрокосмосе, в субъективной плоскости, исполняет Самость – вневременная, подлинная опора нашего существа, являющаяся одновременно и центром сознания, и сознанием в целом, это Атман восточной философии, Осирис Саху в древнеегипетской традиции.

Теогонические мифы рассказывают нам о появлении богов, об их рождении, или эманации, из некоторой изначальной точки, которая в неоплатонической философии представлена Единым, или Демиургом – Создателем, изначальным Принципом, каковым в греческой мифологии выступает, с одной стороны, Хаос и, с другой, – каждый из правителей Вселенной в последующих зонах времени, какими были и Уран, и Кронос, и потом Зевс. Появление остальных богов, сотрудников Демиурга (чаще всего речь идет о его потомках), происходит по мере развития мира. Если в начале есть лишь изначальная точка и некоторое окружающее ее аморфное пространство, которое неподвластно Демиургу, то в конце процесса создания мы можем говорить о космосе, который прошел через определенные фазы становления и, с другой стороны, о Теосах, или богах, которые были необходимы для того, чтобы космос мог развиваться и приобрести те характеристики и форму, которыми обладает ныне. Красота, Справедливость, Порядок – каждая из этих категорий связана с одним из божеств, которое ее олицетворяет и является гарантом ее присутствия в этом мире.

Теогонические мифы рассказывают не только о рождении Богов, функциях и событиях, с ними связанных, но также в качестве модели показывают, каким образом освобождаются изнутри наружу скрытые потенциалы человеческой души, описывают процесс ее роста. Подобно тому, как Демиург в начале времени эманурует свое потомство, демиургическое начало внутри нас эманурует определенные способности – то, что позволяет человеку участвовать в жизни и придавать ей форму. Каждое божество, упоминающееся в мифе, в более или менее развернутом виде присутствует в сознании. Именно теогония говорит о качествах, которые необходимо найти внутри себя (поскольку мы обладаем ими изначально) и вывести наружу, имитируя таким образом действия Создателя всего сущего.

Теогонический миф – это мандала сознания и его роста, образец внутреннего движения; он – модель генетической структуры души. В случае физического организма гены

являются носителями всех возможностей, которые могут быть реализованы. Процесс объективизации начинается вместе с дифференциацией изначальной точки – яйцеклетки – и развертыванием того, что до этого момента существовало в потенциальном, свернутом виде. «Манда́ла содержит в себе весь процесс сотворения мира из глубинного центра сознания... измерений сознания» (Лама Анагари́ка Говинда «Путь белых облаков»).

Но как освободить лучшее из нашего внутреннего мира, позволив ему проявиться вовне? Какие качества необходимы для того, чтобы можно было говорить об «идеальной», наполненной божественным жизни? Где найти образец, которому можно подражать?

Согласно греческой мифологии, владыкой Вселенной является **Зевс**, отец богов и людей, универсальная мощь, которая движет всем, соединяет все и ведет мир к осуществлению определенной цели. Теогония Гесиода является мандалой и космограммой, центральное положение в которой занимает Зевс, а остальное пространство заполнено творящими силами, являющимися во Вселенной принципами, а в человеке – силами духа, души и тела. Титаны, Гиганты, Циклопы вместе с другими божествами хтонического происхождения олицетворяют стихийные силы и инстинктивную природу человека; Зевс и его окружение представляют разумную и осмысленную мощь Первоначала, которой в человеке соответствует духовный принцип и воля духа осуществиться, развернуться в пространстве времени.

Рассматривая браки Зевса, мы можем видеть, что они описывают рождение божественных сил и потенций, эманацию созидательных начал, которые, являясь мерой всего сущего, сделали Вселенную гармоничным и прекрасным творением.

Человек также является творцом, и в первую очередь творцом самого себя и своей собственной судьбы; каждый обладает способностью сделать свою жизнь, внутреннюю и внешнюю, более соответствующей небесной модели. В сфере духовного Зевс – символ доброй воли, стремления расти, подниматься от плоскости анимально человеческого к плоскости человеческо божественного. Если человек и создан по образу и подобию божьему, то это подобие присутствует внутри нас в более или менее свернутом (имплицитном) виде как нечто возможное, но спящее в лоне великого забвения души.

Философ-мистик, движимый внутренней потребностью, стремится к завоеванию пространства своей души; он проникает в лабиринт сознания, движется к его центру и по мере приближения к нему открывает внутри себя и интегрирует в сознание те аспекты своего существа, о которых мало знал и еще меньше ими пользовался. Философский образ жизни объективизирует те грани души, которые в мифологии олицетворяются детьми Зевса. Его супруги символизируют способность души «забеременеть» смыслом, сделать пассивное и скрытое активным и проявленным. Любовь к Прекрасному, Справедливому и Доброму – это зов духа, оплодотворяющий душу, и, присутствуя во всем, он облагораживает жизнь и освещает все ее стороны. Это зов Неба, позволяющий смертному быть и здесь, и там, в центре мира, где преходящее и непреходящее совпадают; участвовать в жизни, но помнить о смерти, стремиться к совершенству, но помнить о своем несовершенстве. Философский поиск не происходит вслепую – он направлен, и его путеводителями являются как добрая воля внутри нас, так и воля наших учителей, играющих роль и Зевса, и повивальной бабки, принимая роды и принимая участие в процессе внутреннего преображения ученика.

* * *

Согласно мифу, первым браком Зевса был брак с **Метидой** – богиней, олицетворяющей божественную Мысль и Разум, что говорит о стремлении Зевса создать организованный, гармоничный, осмысленный космос, в котором нет места стихийному. И хотя может казаться парадоксальным то, что Зевс проглотил Метиду (о чем рассказывает Гесиод в своей поэме: «Себе ее в чрево Кронион отправил, дабы ему сообщила она, что зло, а что благо»),

в философском и символическом аспекте подобное действие было необходимо, чтобы будущий мир мог стать олицетворением порядка и согласия. Зевс – устремленность и самодвижущее начало души – способен создавать и действовать, но без ассимиляции божественной мысли (Метиды) все созданное и совершенное им не будет ни осмысленным, ни гармоничным. Мир же, в котором мы живем, продуман, и в нем все взаимосвязано божественным промыслом.

Союз Зевс-Метида символизирует философский Эрос, любовь к Мудрости, добрую волю, которая в своем поиске в итоге доходит до цели своих исканий – **Афины-Мудрости**, которая есть не просто знание, а знание самой жизни. Она – не результат пассивного размышления о природе жизни, а осмысление нашего участия в ней. Об этом говорит и миф, согласно которому именно Зевс порождает Афины – она выходит из его головы не как знание чего-то, а как умение творить благо.

Рождаясь, Мудрость всегда возникает внезапно, не зная промежуточных фаз роста и развития. Она либо есть, либо ее нет. Мы либо погружены в состояние неведения, в темноту, либо обладаем способностью ясно видеть и действовать мудро и справедливо. Рождение Афины-Мудрости всегда подобно озарению, проблеску интуиции, проникновению Света в те уголки души, где прежде его не было.

Мудрость не пассивна, она не может идти на компромисс со злом, ибо, как сказал Джордано Бруно, не сопротивляться злу – значит сотрудничать с ним. Идея взаимосвязи Мудрости и праведного гнева встречается и на Востоке, где сыновья Шивы олицетворяют эти две функции: это Ганеша – бог Мудрости, имеющий облик слона (его супругой является Буддхи, символизирующая разум и интуицию), и Картикея – бог войны и носитель творческой силы Логоса.

Афина – это Мудрость, воплощенная в действии, и, так как Мудрость не может быть несправедливой, движение к ней никогда не идет в ущерб другим, а мудрое действие всегда направлено на поддержание и восстановление справедливости и правды. Добродетель есть знание, как утверждает Платон; она также является предпосылкой правильного делания, которое всегда будет добрым для окружающих, ибо Мудрость неэгоистична. И в этом смысле поиск Мудрости предполагает исполнение своего долга во всех плоскостях человеческого существования. Мы должны отдавать должное своей душе, своему окружению, тем, кто был до нас, и тем, кто придет после нас. Философский поиск является не уходом от жизни, а глубоким проникновением в жизнь и способностью обогащать ее.

Афина, олицетворяющая Мудрость, символизирует способность видеть сущность явлений, вневременные метафизические ценности и благодаря этому в различных формах узнавать одну и ту же красоту, один и тот же смысл, одну и ту же реальность. Мы отличаемся друг от друга, но есть и то, что нас роднит, – это жизнь сама по себе, движение Вечности во времени-пространстве, осуществляемое посредством многообразия форм, идет ли речь о природе или об обществе, об индивиду или о народах, о той или иной религии или о любой другой форме деятельности, ведущей человека к истокам. Мир изменяется, но Истина всегда остается одной и той же. Воплощаясь в этом мире в различных формах, Бог остается неизменным.

В буддизме первой ступенькой срединного восьмеричного пути являются правильные представления о жизни, из которых вырастает правильный образ мышления. Другими словами, там, где нет ясности, нет света, движение мысли будет смутным и ошибочным; в темноте легко спутать одну вещь с другой, истину принять за ложь и наоборот. Чем больше наши представления о реальности соответствуют самой реальности, тем более правильным будет и образ мышления. Эти две ступеньки вместе с правильным словом соответствуют Мудрости (Патта).

Способность видеть то, что для других остается в темноте, символизирует сова, являющаяся одним из атрибутов Афины. Оставаясь неподвижной, эта птица может видеть все, что ее окружает, ибо, в отличие от других, она имеет обзор, охватывающий все триста шестьдесят градусов, для нее не существует недоступного взору пространства. Афина-сова всегда находится в центре своего мира и является его владыкой, ибо в центре причина и следствие совпадают, там нет противостояния и противоположностей.

Если Зевс-Метида являются началом абсолютной реальности, то центром проявленного мира, тенью центра центров является Афина. Она – мысль Зевса, эманированная во время-пространство, гарант и страж равновесия как на уровне отдельной личности, так и на уровне государства. В Древней Греции новорожденным дарили амулет в форме маленькой змеи – символа интуитивной мудрости и защиты; этот обычай сохранился как напоминание о той роли, которую сыграла Афина, являясь покровительницей и защитницей первых правителей посвященного ей города и его царей – полузмей Кекропа и Эрехтония. Мудрость, покровительство и защита духовных высот в области политической жизни соответствуют на уровне индивида стремлению к справедливости, поиску внутренней красоты и согласия, способности примирить внутренние противоречия и, совершая в жизни выбор, всегда выбирать в пользу роста и преодоления своих собственных недостатков и ограничений.

Афина-Мудрость для ищущего является началом и концом философского пути. Как говорили неоплатоники, наша душа является одновременно и богатой, и бедной. Любовь к Мудрости говорит об ущербности, неполноте, о поиске того, чего нам не хватает. С другой стороны, то, что мы ищем, мы находим в конце концов в самих себе, ибо Истина и Непреходящее изначально пребывают в нашей душе.

* * *

Вторым законным браком Зевса является брак с **Фемидой**, богиней, персонифицирующей природный закон и основополагающие принципы мироустройства, без которых мир не может мыслиться как порядок, как космос, где все взаимосвязано и множество одновременно является единством, части которого не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Греческое слово *themis* – «база», «основание», «справедливость», «фундамент» – соответствует санскритскому слову «Дхарма» и древнеегипетскому «Маат», которое означает не только правду, но и идею разумного порядка, смысла творения, отклонение от которого ведет к ущербности и утрате смысла существования, к удалению от истоков.

Богиня Фемида знает будущее, смысл и цель существования Вселенной в целом и каждой из ее составляющих. Эта способность дает ей возможность правильно и справедливо решать дела в настоящем. Дочь Урана-Неба и мать Прометея, в человеке она представляет внутренний, природный Закон, который направляет и ведет сознание по дорогам метаистории к самоосуществлению, актуализации смысла. Все, что существует, существует ради определенной цели и находится в поиске этой цели. Реки имеют свои истоки и свои русла, по которым устремляются к морю. Подобно им, сознание в своем движении через пространство-время разворачивается и растет внутри тех рамок, которые определены природой самого сознания – его собственной Фемидой. И хотя мы способны созерцать лишь отдельные участки пути, это не значит, что наше существование лишено смысла и цели, выходящих за пределы нашего понимания.

Движение к цели – это всегда движение через неизвестную территорию, на которой есть и препятствия, и проторенные, хорошие дороги. Правильное представление о всех фазах пути, или о будущем, позволяет наилучшим и наиболее быстрым способом сделать то, что мы должны сделать как внутренне, так и внешне.

Соответствовать внутренней Фемиде – значит не идти против своей природы и своей совести, делать то, что человек способен делать хорошо, а не то, что хочется. Время-пространство философского пути определены кодексом – правилами, без которых невозможно говорить о внутреннем росте, о передаче знания и навыков или о формировании системы ценностей, способствующих трансмутации души. Кодекс вытекает из мировоззренческих представлений философских школ, из их учения о природе и смысле существования человека и мира. На практике он превращается во внутреннюю дисциплину и метод движения по пути, в умение жить так, как подобает философу, – практиковать философию. Созерцание без метода и метод без созерцания никуда не ведут, ибо мы хорошо понимаем лишь то, что пропустили через себя. Познавать себя не значит анализировать состояния психики в той или иной ситуации, но активно участвовать в жизни, быть способным накапливать и опыт, и прозрения. Как говорит Пьер Адо, цель античной философии – «выработать некоторый навык, развить некоторый *habitus*, сформировать новую способность суждения и критической оценки; речь идет о том, чтобы преобразить индивидуума – изменить его способ бытия, его мировоззрение».

Мудрость – это глубокое понимание жизни и знание ее законов, способность отличать справедливое от несправедливого. Чтобы делать добро, необходимо знать, что им не является.

Законы есть, и они – опора мироздания. Но в отличие от этих Законов, с присущими им постоянством и неподвижностью, проявленный мир меняется, в нем есть и гармония и дисгармония, и мир, и война. Есть вещи, в которых мы соответствуем своей природе, и есть то, в чем идем с ней вразрез. Если не возобновлять и не поддерживать порядок, опираясь на Истину, то стихийные силы приведут все в состояние хаоса и анархии, когда на уровне Вселенной происходит дезинтеграция, а на уровне общества – смерть культуры.

Зевс, имя которого античные авторы выводят от слова *Zwh* (Жизнь) и воспринимают как первопричину жизни, как житнетворящего Демиурга, вступая в брак с Фемидой, порождает **Ор** и **Мойр**, которые в дальнейшем должны обеспечить мирную и гармоничную жизнь в пределах неба и земли.

Оры как хранительницы врат Олимпа оберегают и все то, что Олимп символизирует, – авторитет, опирающийся на Мудрость, а не на силу, на согласие, а не на споры и интриги, на меру во всем, а не на неумеренность. Оры являются гарантами роста, процветания и богатого урожая – всего того, что необходимо для развития жизни как в природе, так и в обществе. Оры, богини времен года – Дике (Справедливость), Эйрене (Мир) и Евномия (Благозаконие) – проецируют природу Олимпа в мир людей, божественное Согласие, опирающееся на Первую Причину, – в политическое согласие. Политика, согласно Платону, подобна ткацкому ремеслу, которое должно соединить в прочную и красивую ткань государства благоразумных и мужественных людей, способных вести других к правильным представлениям о прекрасном, справедливом и добром, к тому, что в душах порождает не что божественное и придает ему форму. Царское искусство – это умение править не только другими, но в первую очередь самим собой.

Если Оры связывают нити ткани в единое целое, налаживают и определяют взаимосвязь в пространственном измерении, то Мойры, богини судьбы, – Клото (Пряха), Лахезис (Дающая жребий) и Атропос (Неотвратимая) – в Зевсовом мире олицетворяют судебную власть, причинно-следственную ткань времени, в которой прошлое переплетается с настоящим, а настоящее – с будущим. Все одушевленное путешествует по оси времени и во времени открывает свою настоящую природу, свои истоки и свое осуществление.

Согласно некоторым мифам, существуют также Мойры, дочери Ночи, которые старше Зевса; они отмеряют и его судьбу. Таким образом, Зевс оказывается владыкой и предводителем лишь младших Мойр. Вместе с ними он управляет тем, что находится в пределах им

же сотворенного космоса. По аналогии мы можем различать судьбу, которую выбираем мы сами, и, с другой стороны, ту судьбу, которая выбирает нас и нами правит, – в первом случае судьба проистекает из осознанного выбора с принятием всех вытекающих из этого следствий, во втором – наши решения имеют эпиметеевскую природу. Мы – творцы собственной судьбы. Наше прошлое воплощается в форме нашего настоящего, а это настоящее с присутствующими нам убеждениями, стремлениями, идеалами и действиями определяет наше будущее. Во времени мы совершаем путешествие в глубину души, чтобы открыть там лучшее, что есть в нас. И хотя это путешествие не менее трудное, чем странствия Одиссея, в конечном итоге все мы вернемся в Итаку – более сильными, более мудрыми, утратившими многое из того, что является лишним, и приобретшими то, что невозможно потерять.

Оры олицетворяют способность организовывать и гармонизировать внешнее жизненное пространство. Движение в окружающем пространстве дает возможность, познавая мир, познавать самих себя. Мы побеждаем свои недостатки и ограничения, преодолевая жизненные испытания. Со своей стороны, Мойры определяют внутреннюю жизнь и ее динамику.

Оры и Мойры создают космический куб микрокосма и макрокосма, охватывающий освоенную область, ту часть мира множественности, которая видится нами как единое. Центром этого куба является Афина – благоразумие и мужественность, о которых говорит Платон, знание законов и способность восстанавливать справедливость. Семь дочерей Зевса олицетворяют священный порядок, естественное, а значит, и должное соотношение функций – действующих начал и элементов этого космоса. Вне куба находится неинтегрированное время-пространство, психологически это то, чем ищущий может стать, но еще не стал, и практически – то, что он должен преодолеть, но еще не преодолел.

Хорошей иллюстрацией может быть любое государство, которое, будучи Космосом, повторяет небесную модель. Так, например, ситуация в Восточной Европе до перестройки соответствует эпохе Кроноса. По отношению к переменам все старое носит, в той или иной мере, стихийный характер, который мифология приписывает титанам. Одновременно старое играет роль Тифона, желающего вернуть былые времена.

Нынешняя территория этих государств и исторический момент представляют собой космический куб, в котором Президент и Правительство играют роль Зевса и Афины, стараясь мудро организовать «новое» пространство времени. В зависимости от принятых законов, с одной стороны, и от принесенного с собой прошлого – с другой, государство будет более или менее гармонично и справедливо сегодня и в будущем. Оры и мойры, рождающиеся сейчас, могут сделать эти государства псевдокоммунистическими, псевдodemократическими, вновь тоталитарными или, может быть, более подобными небесной модели. В соответствии с этим Закон и Судьба, направляющие эволюцию человечества в целом, отмеряют новым системам их срок существования.

* * *

После брака с Фемидой Зевс вступает в третий и последний законный брак – с **Герой**, хранительницей брачных устоев. Она как госпожа поддерживает целостность космоса и является гарантом того, что все обеты, существующие между небом и землей, проявленным и непроявленным, будут соблюдены.

Преыдущие браки породили куб пространства-времени с его законами и Афиной – его центром, но жизнь и динамика внутри куба появляются с рождением детей Геры – Ареса, Гебы и Гефеста. Эти три божества олицетворяют три качества души, о которых говорит Платон в «Государстве»: храбрость, умеренность и мудрость.

Бог войны **Арес** олицетворяет все препятствия и конфликты, с которыми мы встречаемся в жизни, все наши сражения, победы и поражения. Он соответствует яростному началу

души, которое, проявляясь, может служить либо разуму, либо инстинктам и страстям. В зависимости от того, кому служит Арес, войны, которые мы ведем, будут либо справедливыми, либо жестокими и страшными.

Философ – воин, и сражается он прежде всего против собственных недостатков. Сражаться против других – дело нехитрое; намного тяжелее воевать против эгоистичного и негуманного в своей душе. Жизнь с ее проблемами является полем сражения, где на каждом шагу проверяются наши храбрость и упорство. Но все, что выпадает на нашу долю, всегда соответствует нашим возможностям. Судьба никогда не дает человеку испытаний, которые превышали бы его силы.

Гефест олицетворяет практический разум, способность планировать и осуществлять замыслы на практике. Согласно мифологии, он – владыка огня, бог-кузнец, который придает материи форму. Его творения обладают волшебной силой. Они могут быть носителями надежд, а могут, подобно ящику Пандоры, скрывать в себе все несчастья и беды человечества. Та же магия присуща всему, что мы создаем в «кузнице» своей жизни. Наши поступки и дела могут быть причиной наших собственных страданий и страданий других людей. Но кузнец внутри нас обладает и солнечной, созидательной природой. Следуя ей, он может направить свой труд на осуществление великих идеалов, дающих надежду на то, что завтрашний мир будет более добрым и красивым.

Философ-мистик является и кузнецом, и алхимиком. Он неустанно трудится над своей душой, несмотря на то что материал, с которым он работает, трудно поддается обработке. Придавая своей душе форму, мы испытываем боль, но это боль очищения, благодаря которой рождается Золотая Афродита, Венера Урания, спавшая до поры внутри нас в ожидании освобождения.

Хорошие мечи многократно проходили через огонь и воду и выдерживали множество ударов молота. Благодаря этому они становились гибкими и прочными, способными рассекал даже металл. Выковывая душу, мы приобретаем гибкость, без которой можно сломаться, и решимость, без которой нет веры ни в себя, ни в других.

Если творением Бога является Вселенная, то творением человека является его собственная жизнь. Она может быть красивой или уродливой в зависимости от способностей, терпения и мастерства своего земного кузнеца.

Геба – богиня юности, она дает душе молодость, так необходимую на пути. Она – символ вечного поиска, стремления идти дальше и способности души удивляться тому, что для других стало привычным и обыденным. Геба также олицетворяет правильную меру, золотую середину, умение избежать излишества и ущерба; гармоничное соединение священного и мирского, великого и малого, небесного и земного. Согласно мифологии, она является виночерпием на Олимпе. Геба – супруга Геракла, получившего ее в жены после свершения всех своих подвигов. Их брак символизирует соединение юного и героического. Юными, неподвластными времени остаются в нас с трудом завоеванные добродетели и доблести, способности совершать благодеяния.

Геба, Арес и Гефест живут и в нашей душе; в нас заключена способность созидать и мечтать, любить и оберегать тех, кого любим. Задавать вопросы и одновременно находить ответы, не забывая, что вуалей, покрывающих тайну, много – столько же, сколько звезд на небе и душ на земле.

* * *

Кроме законных браков, Зевс, желая обеспечить свою власть на Олимпе, вступал во внебрачные связи. Так в Космосе от Эвриномы появились Хариты, от Деметры – Персефона, от Мнемосины – музы, от Лето – Аполлон и Артемида, от Майи – Гермес, от Семелы

– Дионис и от Алкмены – величайший из греческих героев – Геракл. **Хариты** (от *charis* – «милость») символизируют доброту, радость и сострадание по отношению к окружающему миру – то, чем должен обладать философ, будучи при этом строгим, мужественным и требовательным по отношению к самому себе. Харизма – это влияние, основанное не на логике или признании назначенной власти, а на силе личных способностей и примера, которые говорят лучше любых словесных аргументов и доводов. Если бы Платон не жил теми ценностями, которым он учил, не было бы ни Академии, ни неоплатоников, ни многих других философов, которых вдохновляло его учение. То же самое можно сказать о других Великих Учителях, образ жизни которых для их учеников говорит о том, как нужно жить и умирять, как пройти через жизнь, чтобы оставить за собой следы и солнечный огонь, рассеянный по земле.

Дочери Мнемосины (Память, Воспоминание) – **музы** (мыслящие) символизируют способность души ощутить другую реальность, проникнуть туда на мгновение и по возвращении принести с собой аромат вечности, придав ему форму стихов, музыки или, может быть, воспоминаний о Прошлом. Именно музы придают этим формам способность быть подобными источнику в доме Аида, воды которого приводят испившего их в царство героев. Это воды Мнемосины, и лишь они могут утолить жажду детей Неба и Земли.

Аполлон, сын Лето, представляет идею света, созвучия и целостности. В отличие от Гелиоса, он – символ света божественного, всех тех сил, которые способствуют вертикализации внутреннего пространства, объединенного в единое целое. Мир одновременно един и множественен. В отличие от Мировой Души, которую привел в согласие Демиург, наилучшим образом соединив между собой все ее части, человеческая душа не только множественна, но при этом в ней отсутствуют гармония и порядок. В ней нет соразмерности, золотой пропорции, которая смогла бы объединить мирское и философское, преходящее и непреходящее в единое осмысленное целое. Если Артемида символизирует дуаду и материю, то Аполлон олицетворяет духовное начало, которое не исключает мирские аспекты жизни, но предполагает способность облагородить малое и воссоздать снова растерзанного Диониса-Осириса. Аполлон – бог-целитель, символ победы над самим собой, объединения рационального и иррационального, преходящего и непреходящего, Земли и Неба. Это всепоглощающий огонь духовности, способность умело играть на лире душе и трансформировать свое существование в прекрасную мелодию, в которой звучат и темы радости, и темы грусти, темы возвышенные и героические, ибо философский поиск знает и счастье, и боль. Но он знает и славу победы, лавровый венок Аполлона – символ вечнозеленой жизни и бессмертия.

С другой стороны, то, что несет Аполлон, невозможно без качеств, присущих его сестре **Артемиде**. Она правит развитием у человеческого существа способности уничтожать все тленное и инстинктивное. Философ – это охотник, преследующий собственные недостатки, которые зачастую скрываются глубоко в лесах и пещерах души. Прежде чем получить право вступить в Город справедливых, так любимый Артемидой, человек должен очистить себя огнем добродетели. В начале пути он проводит долгие годы, скитаясь в темноте под холодным светом Луны Артемиды, которая, возрастая, становится способной полностью принять свет Аполлона – духовного Солнца – и принести его на землю.

С рождением **Гермеса** появляется возможность движения по космической оси. Если до этого момента вдохновение исходило от муз, то теперь человек обретает способность свободно путешествовать через три мира и таким образом соединять мир людей с мирами предков и богов.

По отношению к Небу философ-мистик становится его вестником, по отношению к земле – добрым пастырем и водителем душ. Это возможно потому, что душа его является

дочерью Деметры, **Персефой** – богиней, которая вращается между небом и землей, благодаря чему происходит обогащение и того и другого.

Если дикая невозделанная земля порождает «случайные» дикие растения, то Деметра является матерью зерна, корма небесных птиц. Кора-Персефона символизирует естественные, но загадочные силы души, попавшие в плен неподвижного и темного царства Аида. Именно Гермес выводит Кору из подземелья и возвращает ее матери, Деметре, в лоно космической жизни.

* * *

Последние два брака владыки Олимпа были, по Гесиоду, браками со смертными женщинами. **Дионис** – сын Зевса и Семелы, дочери фиванского царя Кадма. Рождение его необычно: оно происходит в тот момент, когда связанный клятвой Зевс является перед ожидающей ребенка Семелой, окруженный молниями, в раскатах грома, что вызывает ее смерть. Рожденный до срока Дионис – в чреве матери он провел лишь шесть месяцев – был спасен и зашит в бедро отца до момента своего второго рождения. По более древним преданиям, Дионис является сыном Зевса-Змея и Персефоны. В этом обличье он – великий охотник Загрей, убитый и съеденный титанами. Именно из их пепла потом были созданы люди, вследствие чего они являются и тем и другим: и титанической стихийностью материи, и божественностью Диониса. Подобно Дионису, люди способны воскреснуть, получить право пребывать на Олимпе, но это может произойти только после многих нисхождений в подземный мир, куда их тянет желание спасти Семелу-Персефону, чтобы вместе с ней подняться на небо.

Миф о Дионисе рассказывает нам о таинственной связи, существующей между смертным и бессмертным началами в человеке. Диониса называли Освободителем и Солнцем полуночи. Он является символом внутренней дороги, возвращения в центр, на трон Зевса, символом героического восторга, вдохновляющего ученика идти по пути.

В отличие от Диониса, **Геракл**, сын Зевса и Алкмены, символизирует путешествия по дорогам внешнего мира, где ученик решает конкретные проблемы и преодолевает конкретные препятствия. Геракл – символ способности преодоления слабостей человеческой души. Это герой, воин, воплощающий на земле способности, унаследованные им от своего божественного отца. Он выстрадал свои подвиги и, совершая их, поднимался по спирали от земли к небу. Подобно Гераклу, философ стремится прежде всего служить людям и посредством борьбы создавать основу для гармоничной жизни, наполненной творчеством и утверждением высоких общечеловеческих ценностей.

Подобно Гераклу, он должен стать примером построения жизни на земле по образу бытия богов. Чтобы это стало возможным, он психологически повторяет схему теогонии и отражает на земле порядок, существующий на небе, воплощает во времени и пространстве то, что находится вне времени и пространства. Таким образом его жизнь приобретает характер ритуала. Повторяя теогонию и космогонию, он воплощает архетипальную схему, имеющую свои начало, кульминацию и завершение.

* * *

Мы путешественники, и, хотя наше путешествие проходит на земле, движение наше направлено к небу. Так же, как в семенах заложено стремление к росту, глубоко внутри нас спит воспоминание о Вечности. Его пробуждение означает начало поиска и вступление на философскую дорогу, обогащающую и душу, и саму жизнь.

Символизм храма **Антон Мусулин, президент ассоциации** **«Новый Акрополь» на Украине**

Отношение человека к трансцендентной реальности во все времена выражалось в его желании возвыситься, подняться в ту область, которая превосходит обычное физическое существование, и – с другой стороны – в его способности воздвигать храмы, склонять голову и преклонять колена перед величием того, что открывалось его внутреннему взору.

У нас нет права утверждать, что храмы какой-либо одной эпохи или культуры лучше, чем остальные. Алтари и стены, воздвигнутые десять тысяч лет назад, не менее ценны, чем возведенные сегодня. Мы также не можем утверждать, что одна религия лучше другой. Просто каждая религия является особой формой выражения религиозно-философского Эроса – интимного чувства единства со всем, что нас окружает. Религиозность – это потребность не в физическом хлебе, а в насущном хлебе духовности, это любовь к Вечности, к Тайне, с которой можно встретиться лишь в своем сердце и которая, подобно земной любви, может быть более глубокой или менее глубокой.

Интуитивное восприятие бесконечности, преломляясь через призму той или иной религии и приобретая форму и облик символического характера, превращается в храм – образ присутствия вневременного во временном, бесконечного в конечном.

Каждый народ, каждая эпоха открывали и подчеркивали одну из граней трансцендентности, одну из множества форм проявления и выражения Слова-Логоса, который во времени-пространстве символов превращается в священные предания, объясняющие происхождение макрокосмоса и микрокосмоса, и в путь, соединяющий человеческое и божественное.

В индуизме храм подчеркивает идею многообразия и пышности жизни, танцующей над водами материи; в эллинском мире он воплощает идею гармонии и соразмерности, присущих Космосу; в христианстве храм призывает к любви и смирению; в исламе он говорит о невозможности выразить беспредельность посредством форм, созданных природой; египетский храм свидетельствует о монументальности непреходящей реальности.

Храм говорит о Космосе и о пути, он – образ того и другого, их земное отображение.

Подобно тому как в платоновском мифе о пещере узники пещеры принимают тени, отбрасываемые реальными объектами на ее стены, за саму реальность, мы часто принимаем символы – знамения трансцендентности и беспредельности – за саму беспредельность, забывая, что они являются лишь отражениями, которые напоминают о существовании иного и открывают к нему дорогу.

Между символами и тем, что за ними скрывается, существует путь напряжения и роста, ведущий от образа к его причине, от мифа о солнечном герое к реальности солнечной дороги, от наблюдения неба к самому небу, от храма снаружи к храму внутри.

Дорога воспоминаний

Итак, храм говорит о том, как люди представляют божественное, и одновременно является напоминанием о нем. В древнегреческой мифологии Музы, дочери Мнемосины – богини воспоминаний, олицетворяют все то, что позволяет человеку вспомнить забытое, возобновить свои воспоминания о Вечности, о существенно важном и подлинном. Вид храма, изображения внутри него, слова молитвы и безмолвие, запах ладана – все это, как линза, фокусирует наше сознание и направляет течение наших мыслей и чувств, ведя к само-

углублению, к созерцанию того, что выходит за пределы обычного и преходящего. В душе, хотя бы на мгновение, вспыхивает искра внутреннего света; душа просыпается и отождествляет себя с иным. Из ее поля зрения исчезают образы мирских, внешних вещей, их место занимают знамения зова. Вспомнить – значит возвыситься, оживить и задействовать спящие способности души, вернуться к самому себе. Стремление ввысь и вглубь – это сущность религиозности, это основная доминанта храма, небом которого является его свод, а дорогой к небу – путь, ведущий от входа к святилищу, в святая святых, в скрытое сердце храма.

В этом аспекте храм напоминает о некой другой жизни, напоминает о небе – внешнем и внутреннем, потому что душа каждого человека имеет свое небо и свою звезду спасения на нем. Символическое пространство-время храма позволяет человеку воссоздать внутри себя пространство-время общения с божественным, встречи с сильной, возобновляющей и поддерживающей жизнь мощью.

Иное пространство

Согласно неоплатоникам, в человеческой душе присутствуют два Эроса, два типа стремлений: один ведет к удалению души от Блага и погружению в материальный мир, другой возвышает ее к Благу и очищает от всего преходящего. Соответственно, пространство-время с точки зрения религиозности может быть удаленным от Бога или близким к Богу – мирским или священным.

Мирское пространство – это «обычное», однородное и монотонное пространство горизонтальных движений, где места и сооружения не отличаются одни от других, одинаково чужие и близкие, в равной степени человеческие, земные. Мирское пространство подобно лесу, в котором легко потеряться и откуда трудно выйти. Если, идя по жизни, смотреть только под ноги, не поднимая головы к небу, то лес обыденного для нас, путешественников, становится дремучим лесом. И в этом лесу в один «прекрасный» день мы можем превратиться в неподвижных полуспящих существ, подобных растениям, в существ, которые отмеряют течение времени лишь появлением новых колец, все сильнее отделяющих внутреннее от внешнего, кору жизни от ее сердцевины; существ, у которых стремление расти в ширину преобладает над стремлением вертикализировать, облагородить свое существование.

В отличие от обычного пространства – пространства повседневных мирских забот, которым не видно начала и конца, где каждый занят своими делами, не имеющими ничего общего с идеей универсального и космического, где человек является мерой вещей, – священное пространство можно определить как сильное, заряженное смыслом. Кроме того, оно является центром эманации смысла. Роща, река, гора, храм, город и даже страна, получая статус священного места, обретают и то, что отличает их от слабого пространства: способность притягивать и объединять мысли и чувства людей вокруг сердца священного пространства – идеи присутствия иного в обыкновенном.

За порогом обыкновенного

Священное и мирское отделены друг от друга. Одно является владением Бога, другое – территорией человека; одно – пространство стремления возвыситься духовно, другое – пространство преходящих стремлений и желаний.

Идея границы присутствует в словах *templum* и *temenos*. Оба эти понятия произошли от индоевропейского корня *tem* («отсечь, ограничить, разделить»).

Первоначально слово *templum* означало ту часть неба, которую жрец очерчивал своим жезлом, изучая явления природы и полет птиц, а позже так стали называть и то священное пространство, в котором происходил ритуал наблюдения. Греческое слово *temenos* означает

участок земли, посвященный божеству, священную рощу или какое-либо другое ограниченное священное пространство, которое нельзя осквернить.

Переступая порог храма, линию, которая и разделяет, и соединяет мирскую и священную реальности, верующий совершает переход из одной плоскости бытия в другую. Входя в храм, мы всегда входим в другое время и пространство, сбрасываем с себя груз повседневности и малых человеческих забот, ожидающих нас за порогом храма.

Вступив в храм, в вечно юное, возобновляющее и очищающее душу пространство символов, мы вступаем на внутреннюю дорогу, дорогу молитвы и созерцания. Храм не только место диалога и встречи с божественным, он место переосмысления и «взвешивания» души, узнавания своих грехов – но не искупления их: грехи искупаются в том пространстве, в котором они совершены.

Выйти из храма значит снова вернуться в «страну заката», в темное и грешное пространство. В Кирилловской церкви (в Киеве) об этом говорят сцены, изображающие грехи и соответствующие им страдания, которые душа испытывает в аду. Во Владимирском соборе это сцена Страшного суда, которая находится над дверями внутри храма. На ней доминирует фигура Черного ангела, наводящая на размышления о смерти физической и смерти духовной, о возможности исчезнуть для Вечности, которая не вмещает в себя ничего, что не обладает ее природой.

Мирское пространство, находящееся по другую сторону порога, олицетворяет Хаос, или Бездну, которая существовала, когда еще ничего не было. В начале «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водами» (Быт.), и потом в течение шести дней Бог создал мир, который является его владением. В результате творческого акта внутри хаоса – безвидного и текущего пространства изначальных вод – появляется свет, который Бог отделяет от тьмы, твердь, разделяющая верхние и нижние воды, и суша – опора жизни. Таким образом, сотворение является одновременно разделением пустоты и полноты, возможного и осуществившегося. На человеческом уровне творческий акт самосотворения есть переход от пустой, лишенной света и опоры жизни к жизни осмысленной, созидающей новую жизнь. Мудрость порождает новую мудрость, а любовь преумножает саму себя. Лишь дух, парящий над водами преходящей жизни, может создать внутри нее первый остров стабильности, остров огня, который в египетской мифологии символизировал творца вселенной и ее метафизическую опору.

Обращаясь к божественному, человек творит во имя божественного и подражает ему. Создание храма есть создание собственного мира, отделение космоса от чужого, «пустого» пространства.

Пространство чистое и стабильное

В отличие от мирского, священное пространство, каковым является храм и прилегающая к нему территория, – это чистое пространство. Поэтому вхождение в храм всегда сопровождается обрядом очищения, который с обретением права продвижения вглубь храма становится все более строгим. Священные предметы, все то, что хранится внутри святая святых, доступно лишь жрецам – тем, кто ведет чистый образ жизни. Согласно Геродоту, египетские жрецы совершали обряд очищения четыре раза в сутки в прудах или в реке, независимо от погоды и времени года, и таким образом ежедневно подтверждали свое право войти в храм.

Осквернение храма – одно из самых страшных преступлений, которые может совершить смертный.

И с другой стороны, храм – это место, где не действуют законы, установленные человеком. Это территория, находящаяся во владении и под покровительством Бога. Быть

гостем божества всегда означало находиться под его покровительством, как это и полагается согласно законам гостеприимства.

Алтарь, священные писания, статуи, иконы, изображения, символизирующие присутствие божественного, обряды очищения и жертвоприношения, форма самого храма и его ориентация – все это отделяет и ограждает храм от мирского, нестабильного пространства, делает его иным.

Будучи территорией иного порядка, пространство храма устойчиво, в определенном смысле неизменно. Хотя с течением истории его форма и некоторые внутренние элементы могут трансформироваться в зависимости от изменения второстепенных религиозных представлений и идей, в храме есть то, что остается неизменным на протяжении всей истории той или иной религии и без чего ее невозможно мыслить как таковую.

Необыкновенное

Храм трудно назвать обыкновенным местом. Он может быть построен из обычных материалов, быть большим или маленьким, находиться вне селения или в его центре, иметь или не иметь исторического значения, представлять предмет интереса для ученых и искусствоведов или же нет, – все это не определяет его важность и необыкновенность для религиозного человека.

Кааба, Мекка.

Императорский трон в дворцовой капелле Ахенского собора, Германия.

Индустский храм в Пном Кулене, Камбоджа.

Храм Надписей, Паленке, Мексика.

Свод готического собора.

На земном шаре есть места, в которых мы всегда можем чувствовать себя как дома. Есть сооружения, где двери всегда открыты и где мы, не стесняясь, открываем двери своего сердца, чтобы там, в своей душе, найти необыкновенное и встретиться с ним. Быть может, так происходит потому, что все то, что олицетворяет храм, мы изначально и всегда несем внутри себя, хотя лишь изредка заглядываем в тот уголок нашего существа, где нет богатых и бедных, рабочих и врачей, выбирающих и избранных, нет национальностей и вероисповеданий. Там нет ничего, кроме напоминания о Боге и гуманности, о зове и поиске. Там, глубоко внутри нас, живет частица Вечности, частица Бесконечности. Входя в храм, мы переступаем порог, который во внешнем и во внутреннем пространстве разделяет преходящее и трансцендентное. Мы создаем коридор, соединяющий внешнее пространство храма с внутренним жилищем Бога.

Центр мира

Человек традиционных обществ всегда стремился жить в сильном пространстве, в пространстве иерофании – присутствия священного. Оно было для него точкой отсчета, символом истоков, начала времени, местом, откуда начинаются и куда ведут все дороги.

Сакральное пространство-время связано с идеей восхождения, проникновения в центр, возвращения к истокам.

Все дороги ведут к храму, сходятся в центре – в точке, оправдывающей существование окружающего ее пространства. Подобно тому как Создатель является центром всех центров, точкой эманации света и жизни, храм эманурует сакральность и притягивает, концентрирует вокруг себя стремление людей к святости. После обычных, мирских дней во время праздников, дающих возможность внутреннего возобновления, очищения от исторического времени, потоки людей устремлялись к месту встречи преходящего и непреходящего, человеческого и божественного – к храму.

Будучи центром, храм является местом совпадения противоположностей: жизни и смерти, видимого и невидимого, слова и безмолвия, ощущения ущербности и чувства наполненности души смирением и благоговением.

Строительство храма равноценно воссозданию собственного мира – мира, в котором невозможно потеряться, ибо в нем есть ориентиры и всегда известно, куда идти и как вернуться домой. По сути, движение в освященном пространстве всегда является уходом из храма или возвращением в храм. Храм всегда находится в центре города, в самой высокой его точке.

Идея центра – это основная идея храма. В разные времена эта идея выражалась по-разному: ее могли олицетворять колона, столб, лестница, гора, дерево и, конечно, храм.

Палестина, Иерусалим, Голгофа – это страна, город и мировая гора, являющиеся центром христианского мира. Согласно мифам, под Голгофой погребен Адам, на ней был распят Христос. В этом аспекте она соединяет первородный грех и искупление, начало человеческого пути и его конец. Качества центра присущи и Иерусалиму – городу, который, согласно традиции, не был и не мог быть разрушен водами Потопа, ибо сохранение центра равноценно спасению мира.

Существует легенда, согласно которой Киев погибнет тогда, когда разрушится мозаика Софийского собора. Всякое разрушение храма является, в каком-то смысле, и разрушением, концом мира. Уничтожение храмов после 1917 года знаменовало конец сакральности. Это были времена потопа, эпоха, когда воды иррациональной и анимальной природы человека унесли не только многие жизни, но, прежде всего, чувство чести и религиозность, во все времена являющиеся опорой нравственности.

То, что не обладает центром, с точки зрения трансцендентности не существует. Оно подобно изначальному Хаосу, бесконечному морскому пространству, где все направления равноценны и все движения одинаково ведут в никуда.

Эпоха без храмов и без стремления к возвышенному рушится и дробится под своим собственным весом, ибо нет того, что могло бы собрать и соединить в единое целое разрубленное на части тело бога Осириса – тело живой духовности. Жизнь, в которой нет стремления к центру, растекается как вода, как туман, как мрак, который поглощает все и делает все одинаковым. Мрак неведения не имеет источника, во мраке все равны и все в одинаковой мере окружены темнотой. В мире без духовности, без точки отсчета, неизменной и неподвижной, как Полярная звезда, доминирует мораль личной выгоды и личной власти.

Сегодня наступили времена реставрации, переосмысления истории и искупления грехов наших предков. Мы находимся на дороге воспоминаний и возвращения к истокам. Хотелось бы, чтобы этот путь стал и возвращением к сердцу: к способности выбирать сердцем, отдавать от сердца, общаться сердцем и смотреть на мир глазами сердца, – а не переходом от одной формы материализма, агрессивной и открытой, к другой, более тонкой, растворяющей душу.

Изначальность храма

Относительно центра, символа Первопричины, все существующее является светлым или темным, сильным или слабым – близким или удаленным от центра. Таким образом, центр создает иерархию сил внутри миропорядка, определяет взаимосвязь и взаимоотношения его частей. Центр мира является центром не только с точки зрения пространственных координат – он также находится у истоков времени. Центр делает нечто более или менее древним.

В христианстве рай и Небесный Иерусалим созданы одновременно, и каждый христианский храм представляет и воплощает на земле Небесный Город. Внутреннее пространство храма олицетворяет Эдем с четырьмя реками, определяющими структуру и границы Эдемского сада, в котором Господь Бог сотворил Адама, первого человека. В Эдеме произошло падение человека, там растут древо Познания добра и зла и древо Вечной Жизни. Рай, врата которого охраняет ангел с огненным мечом, олицетворяющий тайны Божьи, – это начало пути и конец пути. Возвращаясь в храм, верующий возвращается в чистое, не знающее греха пространство-время, чтобы вкушать там плоды с древа Познания и древа Вечной Жизни, чтобы лицезреть тайны. Уходя из храма, человек повторяет падение Адама, ибо мирское пространство является пространством падений и испытаний. Человек покидает центр мира – и рай, и Иерусалим, место Тайной Вечери, место смерти и воскресения Христа. И не только, ибо храм есть тело Христово.

Согласно традиции, Кааба – главное святилище ислама, а в древности языческий храм, посвященный Венере, – была создана на небесах до начала мира. Ее земное отражение построил Адам, но во времена Потопа оно было разрушено, и затем его воссоздал Авраам. Таким образом, Кааба – первое святилище, созданное на земле до Потопа и после Потопа, в первом случае – родоначальником всего человечества, во втором – отцом арабов и евреев, основателем единобожия.

В Древнем Египте план, единый для всех храмов, своими корнями восходит к небесной модели, разработанной в начале мира Богом-Творцом. Надпись на храме в Эдфу гласит, что дом божества, владыки этого города, был построен по правилам «Книги основания храмов первой энеады», как и все другие, построенные до него. Кроме того, каждый храм имеет своих предков, предшественников, которые до него стояли на том же месте, и каждый свою генеалогию прослеживает до начала сотворения мира, к временам возникновения изначального холма. Этот холм и есть первый храм, первое жилище бога Татенена – «Поднимающейся земли», создателя и первой суши, и первого храма.

Образ мира

Если жилище души и символ ее деяний – это сердце, то жилище Бога и образ созданного им мира – это храм. Он является копией небесной модели – первого храма, первого священного пространства, и его возведение соответствует сотворению Космоса. Архитектор, мастер, создающий храм, в каком-то смысле имитирует деяния Бога, сам превращается в демиурга. Строительный материал: камень, дерево, обожженная глина – эквиваленты хаоса – под воздействием его инструментов приобретают форму, а само строительство становится актом жертвоприношения и самосотворения. И поэтому строительство храмов всегда требовало не только знания основных наук, которые изучались еще в Академии Платона – арифметики и геометрии, музыки и астрономии, – но и обладания глубоким мистическим чувством, тем, что позволяло вдохнуть душу в тело храма.

Если при строительстве мастер повторяет деяние Бога, то человек, участвующий в литургии, символически делает то же самое по-другому – он воссоздает храм внутри себя.

Храм как образ макрокосма и микрокосма, мира и человека должен существовать в трех плоскостях. Он имеет свое небо, свою землю и свой подземный мир – свои дух, душу и тело. Свод и алтарь представляют духовный мир – мир архетипов и первопричин; вечное и непреходящее начало в человеке и в природе; неизменное и необъятное пространство неба – такое же неизменное и необъятное, какой является трансцендентная, духовная реальность.

Между духовным и телесным существует мир движений и перемен, соединяющий эти две плоскости; в храме он представлен пространством, ведущим от входа к алтарю. В человеке это душа с ее радостями и страданиями, победами и падениями, а в природе – земля, горизонтальная плоскость, где существует и развивается жизнь во всем ее многообразии.

Фундамент, вход в храм, его внешний облик олицетворяют тело храма.

В этих трех мирах существует и живет не только храм, но и город. Он имеет свой Акрополь – верхний город, свою Агору – место, где происходит бытовая и политическая жизнь общества, и свой Некрополь – мир подземный. В этих мирах движется и человеческая душа – она нисходит с неба на землю и восходит с земли на небо. В течение ее земной жизни аналогом этого процесса является движение из храма в мирское пространство и обратно в храм, в центр мира и место встречи любящих друг друга Бога и Человека.

Когда мы влюбляемся, нам трудно объяснить, откуда и почему возникают эти глубокие чувства, облагораживающие душу. Мы влюблены, и, поглощенные необыкновенным, прекрасным, мы готовы преодолеть все моря и горы, чтобы встретиться, дотронуться до руки любимого человека. В этом состоянии мы забываем себя и свои маленькие желания, отрываемся от земли, испытывая и счастье, и боль.

Подобные чувства возникают у нас не только по отношению к видимой и осязаемой реальности. Даже в видимом мы любим невидимое – внутреннюю красоту, которая, открываясь нашей душе, делает и нас самих внутренне более красивыми. Как говорит Платон, любовь есть не что иное, как любовь к вечному обладанию Богом; это стремление к бессмертию, способность «забеременеть» духовностью, произвести на свет прекрасное, истинную добродетель, все те блага, которые несет в своем лоне человеческая душа. Беременный божественным человек на протяжении всей истории создавал то, что несло внутри себя воспоминание и напоминание о божественном. Такими напоминаниями являются, в первую очередь, творения, относящиеся к сфере сакрального, – все то, что воплощает идею зова и восхождения смертного к бессмертному, ущербного – к целостности и полноте, бедного светом – к исполненности сиянием света.

Символика волшебной сказки **Антон Мусулин, президент ассоциации** **«Новый Акрополь» на Украине**

Символизм, структура и функция сказки – феномен достаточно сложный. Его исследование предполагает широту взглядов и способность не ограничиваться в своем подходе тем или иным определением, сводящим сказку к вымышленной истории или фантазии, способной заморозить детей, но не взрослых, которые умеют отличать реальное от нереального, правду от вымысла, возможное от невозможного или сверхъестественного.

Сказка – это мир волшебства, мир чудесного, мир, в котором нет ничего невозможного и, тем не менее, все происходит по определенным правилам. Несмотря на многообразие героев и событий, встречающееся в фольклоре различных народов, в сказке имеются функциональные и символические элементы, благодаря которым можно утверждать, что сказка – это не плод фантазии, она имеет определенные задачи, выходящие за рамки простого развлечения детей. Сказка может перенести нас в другой мир – мир детства, она способна снять нашу маску взрослого превосходства, не позволяющую ощутить волшебство существования как такового, ведущее к другому волшебству – к волшебству познания мира внешнего и мира внутреннего, Вселенной и человека, к волшебству, требующему от нас отваги.

Пространство сказки – это пространство символов, знамений другой реальности. Этим сказка подобна мифу. Сказочное пространство, как и мифическое, представляет собой метапространство, внутреннее пространство роста и становления. Символически оно не менее реально, чем другая, объективная сторона жизни. И хотя в реальном мире Кощей Бессмертного не существует, он реален как символ препятствий, связанных с идеей роста. Каждый раз, когда мы сталкиваемся с подобными препятствиями, мы встречаемся с Кощеем в одной из его ипостасей.

Посредством символов в сказках, мифах и сновидениях нашему взору открывается трансцендентальная реальность. Невидимое через посредников становится видимым, и в связи с этим важно вспомнить, что символы – только знамения, предвестники и носители опыта подлинной духовной реальности, сами они этой реальностью не являются. Функции сказки не ограничиваются только воспитанием, она – первый мост к сакральному.

Десакрализация

Жизнь – это чудо, и она не перестает быть им, когда мы выходим из детства. Наша основная проблема заключается в том, что мы привыкаем к жизни и она становится для нас слишком обыденной.

Лишившись сказки, легенды и мифа, человек утратил ощущение священного и символического и потребность проникнуть за пределы обычной мирской реальности.

Сказка является зовом в зрелость, легенда – воспоминанием о великом прошлом народов и отдельных людей, а миф – это воспоминание о Небе, о начале мира и его творцах, о подвигах солнечных героев. Каждая из этих структур архетипальна, каждая несет внутри себя определенные идеи, вопросы и ответы, каждая открывает дверь в пространство героев прототипов и задач иного порядка по возрастающей шкале и каждая, являясь носителем идеалов, вдохновляет на подвиги.

Вследствие десакрализации мы лишились способности не только видеть великое, но и подражать великому. Наше существование утратило нечто присущее сказке – поиск. Нет такой волшебной сказки, в которой герой не отправлялся бы на поиски.

Это может показаться странным, но между современной сказкой и сказкой, которую мы унаследовали из древности, существует огромная разница, хотя на первый взгляд они имеют много общего. Современная сказка является продуктом фантазии ее автора, который наделяет объекты и героев своего произведения сверхъестественными характеристиками и выстраивает его события так, что они приводят к счастливому концу, сквозь который проглядывает нравоучение. Но, стремясь приблизить к ребенку наш мир и нашу эпоху и одновременно защитить его от «вымышленного» в древние времена – от эльфов, драконов, гномов, могучих богатырей и царей былого, – современная сказка, в конечном итоге, лишает ребенка возможности встретиться с подлинным волшебством сказки – со схемой инициации, или перехода, из детства в зрелость и с архетипами-символами, сопровождающими этот переход.

Традиция

Сказка принадлежит устной традиции, передававшейся из поколения в поколение. Поэтому трудно определить, когда возникли сказка и миф, а еще труднее говорить о возможных изменениях, которым они подвергались в течение истории. Тем не менее, можно смело утверждать, что основные элементы и функции сказки и мифа остаются неизменными. Народ обладает удивительной способностью сохранять и передавать элементы своей традиции без искажений (а быть может, это свойство самой традиции). В этом смысле сказка подобна магической формуле, которую нельзя произносить неправильно, ибо она утратит свою мощь.

Силой традиции и постоянства обладают также детские игры. Они такие же древние, как и сама сказка. Считалки, которыми пользуются дети в своих играх, не изменялись многие поколения; поскольку и у детей существует традиция, старшие «инициируют» младших в то, что знают сами.

Родители, со своей стороны, передают детям сказки, которые сами слушали в детстве, и так происходит из поколения в поколение. Помимо этого, мы наблюдаем в обществе способность хранить и передавать мифы и легенды, священные сказания о том, что происходило в былые времена, когда действовали существа более могущественные, чем сказочные персонажи.

Но традиция – это не просто передача информации. Это искусство и наука передачи умения *действовать* и умения *быть*, способность воссоздавать опыт прошлого средствами настоящего, устанавливать ориентиры как для внутреннего, так и для внешнего мира. Живая традиция способна решать противоречия и трудности, с которыми сталкивается человечество на уровне трех плоскостей, в которых движется наше сознание, – индивидуальной, социальной и космической. (Каждой плоскости соответствует одна из областей практической философии – этика, социополитика с философией права и философия истории).

Иное царство

Герой волшебной сказки, хочет он того или нет, в какой то момент доходит до границы, отделяющей обыкновенный мир от мира иного, и этой границей оказывается дремучий лес. «Идя куда глаза глядят» и преодолевая расстояние, отделяющее его родной дом от места, в котором начинаются волшебные приключения, герой должен путешествовать «долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли».

Местонахождение дремучего леса неизвестно; он может быть как ближайшим лесом, так и находиться где-то далеко. Подобно философскому камню средневековых алхимиков, сказочное пространство находится везде: «Каждый человек обладает камнем, он находится везде, в каждой вещи... но его все презирают». Каждый, кто находит этот камень, идет к

нему собственной дорогой, которую трудно описать, дорогой одновременно и длинной, и короткой – камень находится везде и нигде, он где-то внутри. Так и сказочный герой, находясь в поиске, хотя и смотрит всегда на предмет своего поиска, приходит к нему неожиданно, в тот момент, когда он к этому полностью готов.

Герой легко проникает в сказочное пространство, но выбирается оттуда часто с трудом: при возвращении его преследуют. «Брось сперва полотенце – сделается широкая-широкая река, если же Баба-яга перейдет через реку и станет догонять тебя... брось гребешок – сделается дремучий-дремучий лес – сквозь него она уже не проберется».

Дремучий лес, широкая река, синее море и горы отделяют один мир от другого. Они – бездна, которую может преодолеть только герой, а жители темного мира – нет; мир духов и духовный мир соприкасаются с миром обыкновенным, но не смешиваются с ним. Согласно поверьям любого народа, мир предков находится рядом с нами, но одновременно он бесконечно далек. То же самое можно сказать о мире богов и мире духовных трансформаций.

В дремучем лесу стоит избушка Бабы Яги, в которой герой может либо потерять жизнь, либо получить описание дальнейшей дороги, нужные советы и помощь – то, без чего ему невозможно добраться до сердца Тридесятого царства. Все, что происходит во дворе и в избушке Бабы Яги, окутано тайной: «Хорошо, – говорит Баба Яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видел за двором, а не во дворе». Двор и избушка относятся к территории другого мира и, таким образом, подпадают под табу.

Как мы уже сказали, другой мир является не только потусторонним миром, но и священной территорией, где осуществляется обряд инициации (племя Вираджуры, например, называет его «обрядом лесной чащи»). О том, что происходило на священной территории, неофиты не имели права рассказывать непосвященным.

В сказке Баба Яга исполняет роль либо наставника и помощника, либо похитителя и антигероя, который стремится убить героя. Иными словами, иногда ей отведена роль, которую обычно исполняют Кощей Бессмертный, Змей и другие маски церемонии посвящения. Как бы то ни было, иное царство полностью воссоздает то, что было в начале времени: первый столб, первый холм, изначальный остров – изначальный мир, окруженный хаосом, внутри которого впервые был осуществлен и учрежден обряд посвящения. В инициации роль учредителей исполняют маски предки в лице волхвов и знахарей. В Элевсинских мистериях основные роли отводились Деметре, Гермесу, Селене, Гелиосу и другим божествам, принимавшим участие в изначальной драме.

Несмотря на отличия, существующие между священными легендами различных народов, инициация, повторяющая в форме обряда священную легенду, всегда включает в себя нисхождение героя в потусторонний мир, его страдания и воскресение, которому предшествует сражение с владыкой смерти, с мифическим чудовищем, проглатывание героя змеем, рыбой или другим существом, олицетворяющим хаос и состояние мира до появления Вселенной. Герой должен умереть, проходя через огонь и сгорая в нем, ибо огонь сжигает все тленное, все старое, делает душу сухой и легкой, снимая с нее все, что не имеет изначальную, божественную природу.

В сказках Баба Яга исполняет ту роль, которую в случае шаманской инициации играет Мать Хищная Птица, забирающая и уносящая в преисподнюю душу шамана, чтобы она там созрела, а в мистериях – Богиня-мать, хранительница и владычица земли и подземного мира, какими являются и Исида, и Деметра.

Другими важными персонажами Тридесятого царства являются Кощей Бессмертный и Дракон, которые, по всей вероятности, являются ипостасями одной и той же роли внутри сказочного пространства. В сражении с главным героем сказки и тот, и другой персонаж погибают. Этот сюжет может выражать идею передачи «тайного знания», в которое иеро-

фант посвящает неофита, и, с другой стороны, победу над смертью, которую олицетворяют оба персонажа.

Согласно традиции, ни ведьма, ни знахарь не могут покинуть этот мир, пока не найдут себе преемников; два верховных жреца не могут существовать одновременно, и старший после передачи «тайного слова» своему ученику покидает этот мир, как это происходит с Моисеем при посвящении его брата Аарона в сан верховного жреца. В Китае говорят, что тот, кто убивает дракона, сам превращается в дракона. В греческой мифологии герой, сразившийся с чудовищем, приобретает некоторые его атрибуты и способности. Так, Аполлон убивает змея Пифона, но сам становится вещуном и владыкой пифийского искусства и храма Пифона – Дельфы; богиня Афина на своем щите несет голову Медузы Горгоны и обладает способностью превращать в камень тех, кто посягает, не имея на то права, на божественную мудрость, которую Афина олицетворяет; Георгий Победоносец освобождает из плена девушку – символ чистоты – и сам становится ее покровителем.

Змей охраняет центр потустороннего царства, и его владения окружает огненная река, переход через которую может означать прохождение через последние испытания, включающие в себя поглощение неофита мифическим животным и его извержение уже в новом качестве. Змей рождает посвященного, подобно тому как Левиафан рождает Иону. В некоторых сказках Змей знает тайные слова, которые позволяют понимать язык птиц и быть вещуном.

Слово *Кощей* этимологически связано со словами «кощуна» (миф), «кощунословие» (рассказывание мифов), «кощунник» (волшебник, сказитель преданий). Кроме того, этого сказочного персонажа можно отождествить с владыкой «кошного», потустороннего, подземного мира, где царят смерть и холод. Он персонифицирует темную и холодную часть года, а девушки, которых он крадет и забирает в свои владения, – весну. Мотив похищения, встречающийся в сказках о Марье Моревне и Царевне-лягушке (Василисе Прекрасной), соответствует мифическим преданиям о Персефоне, богине весны и подземного мира в греческой традиции.

Смерть Кощея спрятана в яйце, символе возрождения и существования в потенциальной форме всего, что может зародиться. Таким образом, Кощей находится у истоков – его смерть равноценна появлению мира. Подобное мы встречаем в вавилонском мифе о Тиамат, из плоти которой Мардук создает Вселенную. Кощей умирает, но он наделен бессмертием: после смерти он должен снова воскреснуть либо в форме зимы, которая сменяет жизненный цикл весна-лето, либо в образе всепоглощающей ночи Вселенной. Согласно сказке, его смерть спрятана «где-то», в никому не известном месте, на острове, окруженном океаном: «там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть», на конце иглы. Тут мы встречаемся с мотивом мирового дерева и оси мира – иглы, которые соединяют небо, землю и подземный мир пространственно, летнее и зимнее солнцестояние – во времени. Кощея можно отождествить не только с зимой, но и с вершиной зимы – солнцестоянием, а Ивана-царевича – с Иваном Купалой и «макушкой лета». Между ними идет непрекращающаяся борьба, и смерть одного является жизнью другого.

Как бы то ни было, Тридесятое царство является областью испытаний и трансмутаций, смерти и воскресения. Подобно шаману, солнечный герой должен обрести новое тело и новую душу, знание имен и тайного языка, способность перемещаться по воздуху и владеть огнем, находить тех, кто потерялся в потустороннем мире, и возвращать их в мир живых. В эти умения его посвящают хранители потустороннего, которые, открываясь, показывают герою его темную и светлую стороны, возможность поглощения силами хаоса и возможность их преодоления. Отправляясь в иное, герой на самом деле встречает себя самого, свою тень и героическое внутри себя, и одно из этих двух начал в конце одолевает другое.

Таким образом, во внутреннем мире повторяется то, что происходит во внешнем, – борьба между светом и тьмой, днем и ночью, летом и зимой, жизнью и неподвижностью, которую приносит смерть.

Символизм сказки о Царевне-лягушке

Сказка о Царевне-лягушке рассказывает нам о выборе одного из возможных образцов жизни, который совершает каждый человек, вступая во взрослую жизнь.

При расставании с детством возникает проблема выбора пути, одного из трех возможных модусов существования в мире. Хотя на объективном уровне жизнь каждого имеет свои особенности и отличается от жизни других людей, на экзистенциальном уровне жизнь любого человека можно отнести к одному из трех образцов, или архетипов.

Стрелы, которые пускают братья, символически представляют их стремления, порожденные их осознанными и неосознанными представлениями о том, что важно и ценно в жизни и ради чего стоит жить. В Ветхом Завете деяния Божьи называются сыновьями колчана – Божественного разума. В сказке стрелы пускаются вслепую, и это символизирует неосознанный, инстинктивный выбор, который определяется внутренней позицией стреляющего, а невесты, выбранные героями, представляют модели жизни, с которыми они вступают в брак.

Мы можем «жениться» на купеческой жизни, в которой во всех действиях проглядывает идеал купли-продажи и желание утвердиться, приобретая. Для человека, сделавшего такой выбор, «быть» значит «иметь». Можно «жениться» на боярской жизни в поисках славы, признания со стороны других людей. Как и в первом случае, такая жизнь обусловлена внешними факторами. В первом случае ими являются материальные богатства, а во втором – власть и почести.

Как видно из сказки, и та, и другая жизнь остаются в своих первоначальных рамках: братья, женившиеся на купчихе и боярыне, остаются в том царстве, в котором родились. Они не способны выйти за рамки обыденного и творить чудеса. «Старшие невесты пошли танцевать, махнули левыми руками – гостей забрызгали, махнули правыми руками – кость царю прямо в глаз попала». Купеческая и боярская жизни протекают без существенных перемен. Их герои остаются одними и теми же, они движутся через жизнь, но при этом внутренне не меняются.

В случае Василисы Прекрасной-Премудрой мы видим иную ситуацию. Хотя она открывается в некрасивой форме, она способна творить чудеса: «Махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди...» Василиса олицетворяет жизнь мудрую и красивую, а также поиск и «тайное» знание, которое позволяет облагородить жизнь.

Но почему при первой встрече она открывается герою в образе лягушки? Метафизическое и подлинное, с одной стороны, вначале воспринимается нами лишь интуитивно. И себе, и другим трудно объяснить, в чем ценность Мудрости, в чем ее прелесть и чем она лучше богатства и славы. Желание более глубоко понять мир внутренний и мир внешний, как правило, воспринимается другими с иронией и насмешкой, а сам ищущий еще не понимает, что он на самом деле ищет и почему это делает. Но если любовь к деньгам и славе, жизнь боярская и жизнь купеческая кажутся чем-то нормальным, то почему более глубокие стремления не воспринимать как являющиеся более достойными человека?

Царевна-лягушка принадлежит к Тридцатому царству, царству смерти и воскресения. Лягушка символически связана с этими категориями. Осенью она умирает, погружается в состояние летаргии, и весной снова воскресает. В Индии лягушка считается певцом Матери-Земли, ее пение предвещает возобновление жизни, а в некоторых мифах она является опо-

рой Вселенной. В процессе своего развития лягушка проходит через трансформацию: из головастика, способного жить только в воде, она становится взрослым существом, которое может двигаться и в воде, и на суше, переходит из аморфной недифференцированной среды интуиции и ощущений в плоскость откровений и познания. Вода – символ неосознанного, тех аспектов души, которые можно вывести изнутри наружу, объективизировать.

Василиса заколдована. Потеряв свою кожу, она улетает в царство Кощея Бессмертного. С этого момента начинается поиск, в который герой отправляется по своей воле, и этот поиск предполагает внутреннюю трансмутацию, движение по вертикали, переход из одной онтологической плоскости в другую, более высокую. Философская жизнь немыслима без стремления завоевать внутреннее пространство, сделаться лучше, приобрести власть над самим собой.

В начале пути Великое и Прекрасное открывается искателю, но не принадлежит ему по праву. Оно находится рядом и одновременно – в Тридесятom царстве. Мудрость и добродетель других, какими бы великими они ни были, находятся вне искателя, их можно констатировать, можно восславлять и вдохновляться ими, но свет Великанов человечества – Платона, Иисуса, Джордано Бруно или Конфуция – не является собственным светом другого человека, который он не мог бы потерять.

Мудрость можно обрести благодаря внутреннему поиску, в процессе которого мы открываем внутри самих себя своих друзей и врагов, свои достоинства и недостатки. Путь философии – это путь непрекращающихся трансформаций, это движение от одной смерти к другой, от одного воскресения к следующему, каждое из которых приносит с собой еще одно зерно мудрости, являясь шагом, приближающим к истине.

Инициация: смерть и возрождение

Каждая инициация есть смерть и воскресение. Но воскресению в новом качестве предшествует путешествие через потусторонний мир и узнавание его тайн.

Умереть значит стать иным, приобрести новое сильное «тело» и новые возможности: способность видеть, слышать и свободно перемещаться в мире бесплотных сущностей.

Путешествие сказочного героя тоже является путешествием в потусторонний мир. Об этом говорят посох, хлеб, «железные» сапоги – те предметы, которыми снабжали умерших, провожая их в мир иной.

Баба Яга охраняет вход в царство смерти. Но неопит всегда знает волшебную формулу, открывающую двери в иное царство, куда он проникает по собственной воле. Нужно отметить, что после сражения с владыкой смерти – Кощеем Бессмертным – он возвращается обратно, в мир живых. Сказка – это не только приключение, это прежде всего смерть и воскресение. Чтобы воскреснуть, нужно прежде умереть. Внутренний рост всегда сопровождается смертью чего-то старого и воскресением с новым, более возвышенным сознанием.

Сказка рассказывает о жизни и смерти. Сущностью ее действий, которые для читателя происходят в мире живых, является инициатическая смерть. И поскольку Тридесатое царство является царством потусторонним, можно сделать вывод, что сказка, подобно многим мифам, считает этот другой мир более важным, более подлинным, чем мир обычного, профанного существования.

Заключение

Изучая сказку, мы можем установить ее основные характеристики, узнать в сказочных действиях схему инициации и внутренних психологических процессов. Мы можем согла-

ситься с современными психологами и, хотя бы в качестве гипотезы, принять идею индивидуализации и самореализации, к которым стремится сознание.

Но этим не решается вопрос происхождения сказки и инициации, как и вопрос о природе самого сознания. Согласно всем философско-религиозным учениям древности, инициация передана человечеству высшими Существами после его падения из рая, или утраты осознания собственного бессмертия. Цель инициации – восстановить утраченное. Даже современные теории, касающиеся смысла существования человека, которые утверждают, что сознание стремится к росту и к самоосуществлению, теряют всякий смысл, если отвергают идею о бессмертии человеческой души. С принятия этой идеи начинаются и нравственность, и достоинство, и гуманность.

Перестав верить в существование «иного», отрицая бессмертие души и мира духовного, люди не решили встающие перед ними вопросы как гносеологического и онтологического, так и этического характера. Это отрицание, или, лучше сказать, вытеснение, только увеличило страх перед неизвестным, которое стало для нас еще более иррациональным. Сфера наших интересов ограничилась чувственным миром, который стал пределом для человеческой мысли, стремлений и опыта. Если человек – лишь думающее животное, то это его трагедия, ибо в отличие от других существ он знает, что должен уйти с исторической сцены, и это знание давит на него грузом страха и жажды жизни, не позволяя смотреть на мир глазами ребенка, для которого жизнь – и чудо, и зов.

Забыв главное, утратив идею центра и опоры, мы растекаемся в горизонтальной плоскости. Вертикаль исчезла, а вместе с ней ушло и чувство трансцендентности существования.

Сказка говорит о зове. Этот зов естественен, герой сказки не сомневается, стоит ли ему идти. Он просто отправляется в сказку.

Чтобы меняться, необходима ярко выраженная, не знающая сомнений потребность изменить форму своего существования в мире, способность умирать и возрождаться, подобно героям сказки. Лишь в этом случае жизнь – так же, как и сказка, – будет наполнена оптимизмом, и все приключения, какими бы страшными они ни казались, будут иметь счастливый конец.

Сказки для детей и взрослых *Илья Барабаш*

На дворе высокотехнологичный XXI век, мировой кризис, а мы о детских сказках?... А почему бы и нет? Может, самое время поговорить о чем-то ином, чем проблемы, в которых мы крутимся каждый день? И пусть сказки кажутся подобными снам, фантазиям, где случаются самые невероятные и самые удивительные события, невозможные в реальности, не зря говорят: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». И кроме того, все в этом мире относительно, в том числе и ложь, которая при определенных условиях может стать глубокой правдой. Вспомните: вечер, настольная лампа, теплое одеяло, потрепанная книжка в руках мамы... Или старый диван в бабушкиной комнате... Тогда сказочные герои были для нас очень реальными, заставляли переживать за себя. И мы действительно радовались за Ивана-царевича, жалели Маленького Мука. Они были очень близкими и настоящими. И возможно, даже теперь, когда мы уже взрослые, они все еще остаются нашими друзьями, пусть мы о них и не вспоминаем. На вопрос, кто написал о Рахметове – Достоевский или Тургенев, мы будем долго морщить лоб, зато куда и зачем шла Красная Шапочка и кто такой Иванушка-дурачок, скажет, наверное, любой. Эти герои все еще живут в нас. И на самом деле значат для нас гораздо больше, чем мы обычно считаем.

В чем секрет притяжения миров, созданных братьями Гримм, Андерсеном, Толкином? Давайте не будем списывать все на инфантилизм, возможно, корни явления гораздо глубже. Рассказывая сказки детям, мы тем самым учим их особому языку. Не обыденному, привычному, а скорее метафизическому. Ведь язык – это не просто набор слов для обозначения тех или иных предметов, окружающих нас. Язык – это мировоззрение, способ видеть мир и себя в нем, способ понимать мир, способ говорить и способ думать. Неслучайно, наверное, одним из первых, кто дал толчок исследованию сказки, был Вильгельм Гумбольдт, положивший начало языкознанию. Ребенок усваивает язык сказок и язык понятий, принципов, законов, действующих в мире. Но эти законы – не физические, а моральные. Вы заметили, как часто в сказках хитрая лиса оставляет в дураках более сильных волка или медведя, но сама терпит фиаско при встрече с храбрым петухом, как в сказке о зайце в лубяной избушке? Понятие силы относительно. А если ты просто бескорыстно поможешь кому-то, то добро обязательно вернется к тебе. Скромность и трудолюбие вознаграждаются, хотя герой вовсе не стремится к награде. А тот, кто ищет только награды, оказывается ни с чем. В конечном итоге успех ждет не того, кто пытается добиться цели любой ценой, а того, кто больше внимания обращает как раз на пути, на средства, которыми эта цель достигается. И добро всегда побеждает зло.

Если присмотреться к некоторым современным фильмам, особенно боевикам, разве не ту же знакомую картину мы там увидим? Хорошие парни всегда побеждают плохих парней, это вечный закон, и он вовсе не такой уж сказочный.

Но вопрос действия сказок не только в усвоении морали. Здесь мы немного отойдем от сказок в узком смысле слова. Помните Дон Кихота? Историю его «безумия» и «выздоровления»? Она тоже была связана со своего рода сказками – рыцарскими романами. Но трагедия безумного идадьго – это и трагедия нашего языка, который обедняется, утрачивая некоторые вечные понятия, а стало быть, и трагедия нашей души, чье бытие ограничивается лишь вполне земными делами. «Если же основная цель подобных романов – услаждать, то вряд ли они ее достигают, ибо они изобилуют чудовищными нелепостями», – говорит один из «врачевателей» Дон Кихота. Но «нелепость», как мы уже говорили и о лжи, – понятие относительное.

Сказка открывает еще одно измерение. Измерение необыденного. Пространство, в котором наша жизнь получает другой, более глубокий смысл. И наш выбор заключается в том, существуем ли мы в этом пространстве или наша жизнь целиком протекает только в мире вполне осязаемых вещей. Вопрос реальности сказок – вопрос языка, на котором мы говорим. И как для нас сказки могут быть выдумкой или чем-то глубоко истинным, так и для того мира наша жизнь может быть чем-то реальным, а может – мимолетной тенью, иллюзией, не оставляющей в нем следа...

Потому, уважаемые взрослые, читайте сказки, и не только детям. И если ребенок лишь чувствует и переживает происходящее в сказке, то нам предстоит сделать шаг дальше. Нам важно, не утратив этого чувства, научиться понимать происходящее, не попадая при этом во власть сказочных персонажей. Сказка – игра, но в нашей жизни все – игра, вопрос только в выборе игрушек и в отношении к ним. Каким скучным и серым был бы этот мир, не будь в нем игры сказочной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.